

Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования теоретических представлений о государстве и, прежде всего, о государстве-нации в политической науке. Политологические трактовки сущности и эволюции государства сопоставляются с концепциями политогенеза, разработанными в политической антропологии и смежных социальных науках. На основе выделенного концептуального и методологического инструментария предпринимается попытка типологизации государств первой четверти XXI в. и оценки перспектив их дальнейшей эволюции.

Ключевые слова: политогенез, теория государства, типы государства, полития, многолинейная эволюция

Автор благодарит за обсуждение рукописи данной статьи Ю.В. Латушко.

Для цитирования: Киреев А. А. Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 32–47. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

Ways of politogenesis in the XXI century. Toward an evolutionary typology of states

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. The article deals with the formation of theoretical ideas about the state and, above all, about the nation-state in political science. Political science interpretations of the essence and evolution of the state are compared with the concepts of politogenesis developed in political anthropology and related social sciences. Based on the identified conceptual and methodological tools, an attempt is made to typify the states of the first quarter of the XXI century, and assessment of the prospects for their further evolution.

Key words: politogenesis, state theory, types of state, polity, multilinear evolution

The author thanks Yu.V. Latushko for discussing the manuscript of this article.

For citation: Kireev A. A. Ways of politogenesis in the XXI century. Toward an evolutionary typology of states // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 32–47. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

В современной политической науке тема политогенеза периферийна, если не маргинальна. В учебных курсах и теоретических обзорах по политологии она появляется в лучшем случае во вводных разделах, предваряющих освещение основных предметных областей этой науки. Политическая наука в целом склонна воспринимать свой объект как нечто ставшее, в важнейших, существенных своих чертах уже сложившееся и качественно определенное.

Квинтэссенцией этого инерционного, внеисторического видения политической реальности можно считать теорию государства. Учение о государстве – это наиболее малоподвижная, устойчивая к изменениям часть политической науки, в которой она сохраняет самую прямую и тесную связь со своим старшим родственником – правоведением. На фоне других политологических теорий, теория государства выделяется высокой степенью формальности и аксиоматичности и ярко выраженной нормативной, предписывающей ориентацией, объяснить непоколебимость которых можно лишь учитывая их глубокие идеологические корни. Мейнстримовские исследования в этой области затрагивают множество вопросов институционального устройства и технологического функционирования государства, при этом, как правило, не касаясь канонической трактовки его сущности. Согласно этому освященному научной традицией и принимаемому по умолчанию "канону", под современным (нормальным) государством подразумевается государство-нация, соответствующее нормам международного права и на данном основании заслуживающее политического и теоретического признания в качестве такового.

Между тем международно-политические процессы первой четверти XXI в. принесли много свидетельств о явлениях, само существование которых

с точки зрения современной теории государства представляется по меньшей мере проблематичным. К таким явлениям принадлежат, в частности, т.н. "новые" акторы, все более активно выходящие на международную арену, вступая в различные отношения с государствами и порой претендуя на равный или сопоставимый с ними правовой статус. В политологии и теории международных отношений таких акторов обычно принято концептуально отделять от государств в собственном смысле, либо относя их к смежным категориям надгосударственных и субгосударственных субъектов, либо рассматривая в качестве неких случайных и скоропреходящих отклонений от государственной "нормы" ("квазигосударств", "псевдогосударств" и т.п.). Однако количество и регулярность появления этих пограничных случаев и аномалий может указывать на недостатки самой теории государства, на ее неполноту, и на то, что понятие "политогенез" не теряет сегодня не только научной, но и практической актуальности.

Предметом данного исследования будет вопрос о том, какова сущностная специфика современного государства и есть ли основания считать государство-нацию наиболее перспективным (или единственным) вариантом его эволюции в XXI в. В первой части статьи я рассмотрю процесс формирования представлений о государстве в политической науке (с конца XIX в.), его методологические и идеологические факторы. Вторая часть статьи будет посвящена сопоставлению политологической теории государства с результатами исследований эволюционных типов государств, проводимых другими науками – прежде всего, антропологией и социологией – в более широком историческом контексте. В третьей части будет произведена систематизация типов государственных образований первой четверти XXI в. и дана оценка перспектив их дальнейшей эволюции.

Развитие теории государства в политической науке

Формирование политической науки в 1880-е гг. в Европе и США происходило в условиях уже достаточно плотного освоения ее предметного поля философией и рядом общественных наук (правоведение, социология, история). Поэтому многие идеи и концепции, циркулировавшие в этой научно-философской среде, были восприняты молодой политологией в готовом, вполне оформленном виде, как некая самоочевидная "данность". Путем подобного же стихийного наследования в состав предпосылочного знания политической науки вошла и концепция единства нации и государства как политической формы ее существования.

Идея естественного единства нации и государства, уходящая корнями к трудам европейских мыслителей XVI – XVII вв. (Ж. Боден, Г. Гроций), к середине XIX в. прочно вошла в политико-управленческую и дипломатическую практику элит капиталистических стран Запада, а последовавшие за крахом "старого режима" во Франции буржуазные революции и либерально-демократические движения привели к ее распространению в массовом сознании. Ведущую роль в теоретической разработке этой идеи сыграла, прежде всего, немецкая интеллектуальная традиция. Высокий онтологический и аксиологический статус, который проблема государства получила в философии И. Канта и Г. Гегеля, дал импульс обширному направлению исследований в немецкой науке, ядром которого стало юридическое государствоведение и в особенности конституционное право [5, с. 11–44; 24, с. 214–220, 311–314].

Немецкое государствоведение, оказавшее сильное влияние на ученые сообщества США и России, а также близкие к нему конституционные исследования во Франции и Англии, во многом задали предметные и методологические очертания политической науки на весь институциональный период ее развития (1880-е – 1910-е гг.). Вслед за правоведом-политологом (И. Блунтшлю, В. Уиллоуби, В. Вильсон) сосредоточились на формальном и сравнительном анализе государственных институтов, изучении форм правления и форм государственного устройства. При этом объектом их внимания были именно современные цивилизованные (западные) государства, а сравнительный материал использовался для иллюстрирования предшествовавших им стадий политической эволюции обществ. Цивилизованность, полноценность западных государств удостоверялись наличием у них ряда конституирующих (и законодательно закрепленных) признаков, включая территориальный способ

организации, национальную общность, публичную власть, налогообложение и другие¹.

Концепцию современного государства в политологии нередко именуют веберовской [24, с. 144–146]. Определение, данное М. Вебером ("человеческое сообщество, которое внутри определенной области...претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия") [4, с. 645], действительно широко востребовано как выдающееся по лаконичности выражение национально-государственного канона. Однако значение концепции Вебера связано не столько с тем, что он свел воедино ключевые признаки государства "современного типа", каждый из которых сам по себе в правоведческой и политологической литературе того времени был "общим местом". Ее важность основана на синтетичности всего веберовского подхода, вобравшего в себя, наряду с историко-правоведческими идеями, положения позитивистской и в определенной мере марксистской социологии, а также соединившего проблематику институтов, поведения и культуры. С этой точки зрения, в работах Вебера теория государства вышла за рамки классической институциональной политологии. Реализация исследовательской программы Вебера, предполагавшей проведение типологических и культурно-нейтральных (незападно-центричных) исследований государства по существу не завершена до сих пор.

Первая мировая война и последовавшие за ней революции существенно изменили развитие политической науки. Вызванное ими в странах Запада и особенно в США либерал-реформистское движение поставило под сомнение адекватность институционалистского идеала "правового" государства нуждам массового индустриального общества. От формальных норм науку призывали обратиться к реальному поведению граждан, к проблемам артикуляции их интересов и политического участия. Бихевиоралистский перенос акцента с государственных на общественные формы политической жизни имел наибольший научный резонанс в США, с характерной для этой страны культурой "слабого правительства". Государственная проблематика не исчезла из американской политической науки, но была отодвинута на окраину ее предметного поля [9, с. 322–327; 16, с. 79–86]. Европейская политология в этот период сохранила большую государствоцентричность, однако в 1930-е гг., в обстановке непримиримой борьбы фашистских и прокоммунистических сил, она погружается в состояние кризиса.

Еще более серьезный удар исследованиям государства нанесла вторая мировая война. Вызовом теории государства в послевоенные годы стала теория политической системы, основы которой были заимствованы политологами из социологии и антропологии. Пионеры системной интерпретации политики (Д. Истон, Г. Алмонд) крайне скептически относились к понятию государства, считая его размытым, нормативным и в конечном счете ненаучным. Напротив, концепция политической системы, с их точки зрения, давала целый ряд преимуществ: 1) расширение предмета политической науки (за счет охвата государственных и негосударственных акторов политики и всего комплекса их отношений); 2) совместимость системной (структурно-функциональной) методологии с бихевиорализмом; 3) активизация междисциплинарных связей политологии и переноса знаний; 4) возможность применения в сравнительных исследованиях равно западных и незападных, государственных и безгосударственных обществ.

Успех теории политической системы невозможно понять в отрыве от бурного развития сравнительной политологии и теории модернизации (Л. Пай, К. Дойч, С. Верба, Д. Аптер, Ш. Эйзенштадт) [24]. Очевидный подъем последних с середины 1950-х гг., в свою очередь, был обусловлен ситуацией холодной войны и необходимостью борьбы с СССР за влияние на страны третьего мира. В этих условиях правительство США оказало значительную поддержку изучению политических систем постколониальных обществ, прикладной целью которого была оценка готовности этих обществ к "транзиту", т.е., по сути, экспорту демократии и других структурных и функциональных достижений политической системы США [28].

¹ Вполне в русле этого подхода находились признаки государства, выделенные в известной работе Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884 г.).

Сравнительные исследования политических систем, резко расширившие представления о разнообразии этнонациональных форм политической жизни (в т.ч. в странах Европы [12; 21]), фактически привели к появлению мировой политической науки, ведущее положение в которой заняли американские политологи. Однако произошедший на рубеже 1960-х – 1970-х гг. антибихевиоральный поворот повлек за собой ревизию методологических оснований мировой политологии, одним из следствий которой стало возрождение теории государства.

Рост интереса политологов постбихевиорального периода к государству имел не только научные, но и, прежде всего, общественно-политические предпосылки. Во-первых, разрядка и стабилизация сфер влияния двух лагерей в третьем мире снизили актуальность сравнительных исследований и позволили западным правительствам сосредоточиться на своих внутренних проблемах. Во-вторых, в самом третьем мире западная политика демократизации столкнулась с многочисленными трудностями и теоретически неожиданными результатами. Откликом на них явилось формирование консервативной ветви теории модернизации, связавшей перспективы догоняющего развития постколониальных обществ с деятельностью сильных авторитарных государств [26, с. 251–254; 37].

Полная реабилитация исследований государства произошла уже в 1980-е гг., когда они обрели новую методологическую базу в лице неоинституционализма (Дж. Марч, Д. Норт, П. Холл, Т. Скокпол, Дж. Розенау)² [16, с. 155–160]. Таким образом, возродившаяся теория государства была ориентирована не на возврат к ее конституционно-правовым основам, а скорее на продолжение программы Вебера с такими характерными для нее особенностями, как анализ взаимообусловленности государственных институтов, культуры и поведения, историзм и внимание к различным траекториям политической эволюции. Примерно в тот же период, в 1970-е – 1980-е гг., в Европе развернулись исследования происхождения государства-нации, выявлявшие его связи с более ранними типами политий [41].

Наметившееся обновление политологической теории государства было прервано международными событиями 1990-х гг. Последовавшая за гибелью СССР как "последней империи" новая глобальная волна демократизации и модернизации в очередной раз преобразила теоретический ландшафт политической науки. Политологическим мейнстримом стала неолиберальная (точнее, радикально-либеральная) историософия, соединившая в себе классическую концепцию государства-нации, теорию модернизации, а также идеи конструктивизма и постмодернизма. Основные положения этой историософии можно свести к следующим тезисам: 1) западное (либерально-демократическое) национальное государство – это высшая ступень политический эволюции; 2) государство-нация универсально и неизбежно вытесняет все другие типы государственной организации; 3) обретение всеми обществами планеты национально-государственной формы является предпосылкой завершения человеческой (политической) истории; 4) конец истории сопряжен с отмиранием государства в результате размытия национальных идентичностей, формирования экстерриториальных связей и многоуровневым перераспределением публичной власти; 5) постисторическая реальность – это глобальное и "безграничное" общество космополитических индивидов [29; 34; 35].

Несмотря на критические выпады справа и слева, неолиберальная концепция однолинейной политической эволюции в короткий срок приобрела исключительную популярность. Первые признаки расшатывания консенсуса в мировом политологическом мейнстриме обозначились лишь в 2000-е гг. под влиянием военных интервенций США в Евразии³. Об этом свидетельствовало появление по крайней мере двух новых направлений исследований государств. Одним из них стали исследования современных империй [33; 42].

² Хотя непосредственным донором неоинституционального подхода для политологии была экономическая наука, его более общим источником можно назвать структуралистскую парадигму, охватывавшую к тому времени широкий круг отраслей социогуманитарного знания.

³ Примечательно произошедшее в это время сближение взглядов Ф. Фукуямы с позицией С. Хантингтона [23].

Показательно, что объектами приложения этого восстановленного в правах понятия оказались не только Китай и Россия – страны с давними имперскими традициями, – но и такие оплоты "либеральной демократии", как США и ЕС. Другим формирующимся направлением является изучение различных парагосударственных образований, активно претендующих на субъектность в международных отношениях, но явно не соответствующих признакам государства-нации. Существование таких образований, в т.ч. террористического происхождения, представляло собой одновременно и практический, и теоретический вызов неолиберальному миропорядку [2; 19].

Вместе с тем инерция неолиберального консенсуса в мировой политической науке, не исключая и ее российскую ветвь, остается до сих пор очень устойчивой [13]. Концепция государства-нации удерживает положение идеологической, правовой и теоретической нормы, относительно которой все другие формы современной государственности рассматриваются не как самостоятельные типы, но лишь как отдельные отклоняющиеся случаи. Таким образом, трактовка эволюции государства в политологии в целом сохраняет свой однолинейный, безальтернативный характер.

Эволюция государства в политико-антропологической перспективе

С момента возникновения политическая наука испытывала заметное воздействие исследований, проводившихся в антропологии. Исходной предпосылкой тесных связей двух наук была общность их происхождения: обе зиждились на философиях Просвещения и позитивизма с их идеями единства человеческой природы и стадийности прогресса общества [25]. С конца XIX в. политологи привыкли видеть в антропологах, прежде всего, поставщиков сравнительного материала для своих теоретических обобщений. Однако, наряду с фактическим материалом, антропологи неоднократно успешно транслировали в политологическое сообщество свои концептуальные наработки и методологические принципы [16, с. 131–133].

Такое влияние, существенно превосходившее обратный поток, можно объяснить более быстрым развитием антропологической науки. Даже при необходимости сотрудничества с колониальными администрациями, антропологи, как правило, не ощущали столь жестких идеологических ограничений, которые были обычны для их коллег в политологии. Кроме того, нормативный и спекулятивный компонент в антропологических исследованиях подвергался более прямому и массивному давлению эмпирических данных, что само по себе способствовало большей научной продуктивности.

Долгое время проблемы политической власти и государства были для социальной (культурной) антропологии одним из многих, частных аспектов изучения человеческих обществ. Их выделение в особую субдисциплину этой науки – политическую антропологию – началось лишь в 1940-е гг. в ходе исследований африканских политических систем. Опосредованным откликом на этот процесс стало, как уже отмечалось, стремительное формирование в 1950-х гг. теории политической системы в политологии.

В период форсированного развития политическая антропология вступила в 1960-е гг., когда ее прежняя методологическая база (структурный функционализм) была потеснена и частично абсорбирована неэволюционизмом. Неоэволюционистскую парадигму изначально отличали интерес к общественной динамике макроисторического масштаба и склонность к широким теоретическим генерализациям. С течением времени, в 1970-е – 1980-е гг., в т.ч. под воздействием изменений в изучаемых постколониальных обществах и растущей кооперации с другими социогуманитарными науками (особенно исторической социологией и политологией), в неоэволюционистской политической антропологии усиливается тенденция к распространению своей предметной области на современные политии. Следует добавить, что неоэволюционистские концепции развивались в условиях плотной конкуренции (и идейного обмена) с марксистской теорией формаций и позитивистской теорией модернизации. В своей совокупности эти факторы сделали политическую антропологию одним из важнейших очагов теоретического синтеза в общественности второй половины XX в.

С 1960-х гг. представители политической антропологии разрабатывали универсальные схемы эволюции форм политической жизни, охватывающие

исторический процесс от первобытности до наших дней. Одной из первых подобных схем стала эволюционная типология Э. Сервиса, выделявшая четыре уровня политической интеграции: 1) бэнд; 2) племя⁴; 3) вожжество; 4) государство [38; 39]. Для разграничения данных уровней Сервисом использовался комплекс признаков, включая не только собственно властные отношения, но и экономические, социальные и культурные характеристики обществ.

В ходе своего распространения в антропологической литературе эволюционная типология Сервиса подвергалась неоднократным уточнениям и дополнениям. Наиболее важные дополнения к ней были сделаны в конце 1970-х гг. создателями теории "раннего государства" Х. Классеном и П. Скальником. Они разделили политическую форму государства на два стадийных типа: "раннее" и "зрелое" государство. В свою очередь, в рамках эволюции раннего государства ими была выделена последовательность из трех его подтипов: "зачаточного", "типичного" и "переходного" [40].

Еще одно существенное дополнение к схеме политогенеза Сервиса–Классена–Скальника в 2000-х гг. было предложено Л.Е. Грининым. Между стадиями раннего и зрелого государства им был помещен такой стадийный тип, как "развитое" государство. При этом развитое государство прямо отождествлялось с централизованным доиндустриальным государством, а зрелое – с индустриальным государством-нацией. Кроме того, каждую из стадий (раннего, развитого и зрелого государства) было предложено разбить на три этапа – "начальный", "типичный" и "переходный" [18, с. 402–439].

Таким образом, в неэволюционистских исследованиях сформировалась весьма детализированная линейная типология форм политической организации, претендовавшая на сквозное описание политогенеза архаичных, традиционных и современных обществ, и соединение тем самым предметных областей политической антропологии и политологии.

Будучи широко востребованной, линейная типология вместе с тем вызвала множество критических замечаний. Основными направлениями этой критики были два: 1) опровержение определений и последовательности смены конкретных форм политической организации общества; 2) отрицание обоснованности самого однолинейного подхода, трактующего политогенез как универсальное, постепенное и прогрессивное развитие. При этом со временем значение второго направления критики все более возрастало.

С характерными возражениями против универсальных типологий "политических форм" уже в 1960-е гг. выступил Ж. Баланжье. Указывая на слишком большую упрощенность, эмпирическую несистематичность и логическую противоречивость существующих типологических схем, он призывал "сдерживать амбиции политической антропологии в области типологии". По мнению Баланжье, антропологам следовало сосредоточиться на сравнении и типологизации "родственных систем", одновременно сосуществующих в пределах одного "культурного региона" [1, с. 50–55].

Своеобразным ответом на растущее недовольство исследователей недооценкой горизонтального, синхронного разнообразия форм политической жизни стала концепция политической эволюции, выдвинутая Р. Адамсом. Эволюционная типология Адамса имела теоретический и универсальный характер и отталкивалась от схемы Сервиса. Исходя из необходимости повышения меры контроля общества над природной энергией, согласно Адамсу, оно последовательно переходило к новым "уровням интеграции" и соответствующим "системам власти", которых автор насчитывал шесть. Вместе с тем Адамсом подчеркивал множественность путей политического развития. На каждом историческом уровне интеграции им выделялись сосуществующие друг с другом "координированные" и "централизованные" сообщества. Так, на высшем, современном уровне централизованным нациям сопутствуют такие координированные единицы, как "региональные блоки", "сообщество великих держав", мировые капиталистическая и социалистическая системы, а также различные международные организации [27].

Несмотря на то, что у концепции Адамса было мало прямых последователей, представленный в ней многолинейный подход к политогенезу получил в политической антропологии дальнейшее развитие. Наиболее рас-

⁴ Позднее место племени в этой типологии заняла община.

пространенной его разновидностью стали различные двухлинейные схемы, которые уже в 1980-е гг. разрабатывались как в западной, так и в советской науке. Причем, если на Западе они строились на основе неозволюционизма, то в СССР соединяли в себе неозволюционистские и марксистские идеи, восходившие к более ранним дискуссиям о специфике азиатского способа производства. Кроме того, особенностью советских концепций двухлинейности было особое внимание к раннегосударственной стадии эволюции, в рамках которой исследователи выделили две модели государства – "точечное" (номовое или город-государство) и "территориальное" (мультиполития, империя) [11; 15].

В 1990-е гг. на основе синтеза ряда западных и отечественных концепций происходит формирование нового, обобщающего варианта двухлинейного подхода, трактовавшего социальную и политическую эволюцию как взаимодействие двух типологических линий – "иерархических" и "неиерархических" обществ. Именно в 1990-е гг. этот подход, поглощая и реинтерпретируя однолинейные схемы политогенеза, по сути, занимает место доминирующего в политической антропологии [10]. Показательно, что на позиции двухлинейного подхода в это время переходят не только последователи, но и авторы таких схем [7].

Среди основных положений данного подхода можно выделить следующие: 1) эволюция иерархически организованных обществ, ведущая к государству – это только один из возможных путей политогенеза; 2) альтернативный путь политогенеза, характерный для эгалитарных и гетерархических обществ, не предполагает появления государственности; 3) общества обоих типов существуют в каждый исторический период, обладая сопоставимым уровнем сложности; 4) политические особенности иерархических и неиерархических обществ связаны с ландшафтными условиями их размещения и естественной защищенностью [11, с. 170–192].

В 2000-е – 2010-е гг. развитие неозволюционистской политической антропологии шло в направлении дальнейшего расширения ее предметного поля и интеграции с исторической социологией, теоретической историей (клиодинмикой) и глобалистикой (в ее мир-системной версии). В то же время было продолжено переосмысление самой структуры и механизмов политогенеза. Это выразилось в интересе к таким траекториям политического развития, как горизонтальная эволюция (трансформирующие взаимодействия синхронно существующих обществ), циклическая и реверсная (обратная) динамика. В этом контексте были начаты исследования взаимодействия разных линий политической эволюции современных обществ и, в частности, отношений государств-наций с политиями иных типов [3; 18].

Следует отметить, что активная экспансия политической антропологии (особенно наглядная на фоне затяжной стагнации в сравнительной политологии [16, с. 136–139])⁵ сопровождалась ростом в ней внутренних, понятийных и теоретических, противоречий. При этом эпицентром разногласий по-прежнему остаются вопросы о сущности государства, его признаках и условиях появления, о критериях разграничения его типов [10; 36]. Предоставляя развернутую аргументацию для критики политологической теории государства, неозволюционистская политическая антропология тем не менее не предлагает на сегодня какой-либо целостной альтернативной его теории.

Проблемы эволюции государств в XXI веке

Политическая антропология и историческая социология не дают однозначных, консенсусных решений проблем, стоящих перед политологической теорией государства, включая прежде всего вопросы о специфике современных государств (государств современности), их типологическом разнообразии и путях дальнейшей эволюции. Тем не менее их методологические и концептуальные результаты позволяют построить некоторые гипотезы, очерчивающие направления поиска необходимых ответов.

⁵ В основе этой экспансии лежит обширнейший массив эмпирической информации о сотнях обществ, высокая систематизированность и формализованность которого (в т.ч. в виде баз данных) позволяют применять к нему ряд новых, междисциплинарных методов количественного анализа и моделирования.

Прежде всего, опыт политико-антропологических и историко-социологических исследований указывает на то, что определения государства должны иметь исторический и сравнительный характер, т.е. отражать происхождение и стадияльное развитие государств, а также их включенность в более широкий класс явлений – политий.

Под политией в данной работе понимается политическая система любого самодостаточного человеческого коллектива (общества)⁶. Исходя из этого, государство можно определить как особый тип политической системы, характерный для сложных иерархических (стратифицированных) обществ⁷.

Для уточнения этих кратких определений необходимо выделить существенные (критериальные) признаки политики и государства. Как уже отмечалось антропологами [10, с. 13], многие признаки, постулируемые политической наукой в качестве специфических для государства, в действительности присущи всему классу политий в целом. На мой взгляд, такими общими признаками политий следует считать население и внешний суверенитет. При этом под населением понимается устойчивая многопоколенная человеческая общность (независимо от способа ее интеграции), рассматриваемая как объект управления, а под внешним суверенитетом – самоуправляемость данной общности, ее независимость от какой-либо внешней власти. Судя по всему, эти минимальные признаки политики были присущи уже древнейшим, "простым" обществам, к каковым обычно относят банды и локальные группы [8].

В более поздний период у политий появился еще один признак, традиционно включаемый в государственственный канон – территория. Едва ли можно признать корректным отождествление территории с местонахождением общества, его текущей позицией в физическом пространстве и на этом основании – трактовку этого признака как атрибута любой политики [10]. Необходимой принадлежностью общества и его политической организации становится только такая территория (точнее – конкретный географический ареал), которая освоена и встроена в регулярные циклы культурного воспроизводства и уже поэтому является не менее важным объектом управления и систематической защиты, чем население. В этом смысле в число признаков политий (таких как общины и вождества) территория входит не ранее неолитической революции и появления производящего, прежде всего, земледельческого хозяйства, сопряженного с оседлостью.

Наконец, последним по времени возникновения признаком политий, знаменующим собственно переход к такой их разновидности, как государство, является тот, который в политологической и правоведческой теории принято именовать внутренним суверенитетом. Это понятие, близкое к веберовскому понятию "монополии легитимного принуждения", описывает состояние отделенности политической власти над обществом от самого общества, ее независимости от всякой иной власти в нем и верховенства в пределах его территории и населения. Принципиальной предпосылкой отделения высшей политической (государственной) власти от общества, эмпирическим выражением которого стала многоуровневая организация управления⁸, послужило усложнение общественной системы по вертикали (стратификация) и по горизонтали (территориальное деление), в свою очередь, необходимо связанное с ростом ее демографических и территориальных размеров.

Четыре названных выше макропризнака, по-видимому, общи для государственных образований всех типов, начиная с "раннего", и, безусловно, не являются специфической характеристикой современного (капиталистического) государства, а тем более такого его варианта, как государство-нация. Данные признаки, а точнее стоящие за ними структуры и функциональные механизмы, обеспечивают выживание сложных обществ в условиях повышенной внешней и внутренней конфликтности, свойственной исторической эпохе их существования. Лишь особые географические обстоятельства, в виде "есте-

⁶ Термин "общество" здесь близок по смыслу понятию "этническая общность".

⁷ Сравни также: [21, с. 39–47].

⁸ Антропологи, как правило, указывают на необходимость для существования государства 4–5 уровней управления.

ственной защищенности", могли позволить сложному обществу долговременно обходиться без государственного "экзоскелета".

Для объяснения процессов политогенеза после возникновения государства (как и в догосударственную эпоху) обычно используется понятие "адаптация", объёмлющее различные формы дифференцирующего приспособления систем к различным природным и общественным средам. Однако более продуктивно разделять два относительно самостоятельных фактора политогенеза – взаимодействие политий с природной средой и их взаимодействие с более изменчивым общественным окружением. Исторически, по мере уплотнения общественной среды, роль второго основного фактора политогенеза – межобщественных связей – постепенно возрастала [8, с. 38–45; 30, р. 41–56]. Формирование устойчивых пространственных комплексов развивающихся государств и политий (цивилизаций, регионов, мир-систем) со временем становилось все более мощным источником их типологического сближения/расхождения.

Различия в механизмах эволюции государств обусловили множественность траекторий политогенеза. Долгое время в обществознании (а в политологии – по сей день) приоритетное внимание уделялось вертикальной эволюции, описанием которой являлись стадияльно-технологические (позитивистская традиция) или формационные (марксистская традиция) типологии государств. Абсолютизация вертикальной эволюции способствовала укореению фаталистических, однолинейных интерпретаций политогенеза. Выявление политантропологами важности горизонтальной эволюции синхронных (но часто разностадийных) обществ открывает возможность для реконструкции значительно более сложной структуры политогенетических процессов. Соперничество и сотрудничество сосуществующих государств и политий, уничтожение или поглощение соседей, диффузия политических инноваций, гибридизация и интеграция объясняют эмпирическую множественность траекторий политической эволюции и вместе с тем неравномерность их роста и ветвления. Очевидно, что наибольшую значимость горизонтальная эволюция имеет для государств капиталистической эпохи, ставших глубоко взаимозависимыми частями глобализованного мира, элементами обретающего системность мирового сообщества.

В долгосрочной перспективе результатом взаимоналожения, контаминации вертикальных и горизонтальных траекторий политической эволюции является увеличение разнообразия государств и иных политий. В XXI в. это разнообразие выражает себя на разных уровнях. Во-первых, на него указывает рост самого количества субъектов международных отношений. К их числу сегодня можно отнести почти две сотни "признанных" государств, около пяти десятков политий, так или иначе претендующих на государственный статус, а также не поддающееся точной оценке множество политий, действующих на международной арене с разной степенью самостоятельности, не заявляя таких претензий [14, с. 107–168; 20]. Во-вторых, происходит умножение гетерохронности политий, т.е. накопительное расширение спектра их стадияльных различий. В современном мире стадияльно более ранние государства и политии (доиндустриальные) зачастую не вытесняются более поздними (индустриальными и постиндустриальными), но продолжают сосуществовать и взаимодействовать с ними. В-третьих, под действием функциональной дифференциации и ценностной фрагментации, появления новых, ассоциативных форм социальности нарастает внутренняя сложность политий и в особенности государств. Многоукладные и многослойные, полиэтнические и поликультурные государства необходимо приобретают все более индивидуализированный политический облик.

Безусловно, вариативность путей и результатов политогенеза даже потенциально не может быть бесконечной⁹. И в настоящее время она сдерживается целым рядом факторов, включая: 1) экологические ограничения; 2) пределы продуктивности способов производства; 3) межобщественную конкуренцию и в т.ч. военно-политический отбор; 4) международную институционально-правовую унификацию. Тем не менее и с учетом воздействия всех этих ограничений, разнообразие форм политической организации обществ первой

⁹ См. противоположную точку зрения: [8, с. 52].

четверти XXI в. существенно превосходит описательные и прогностические возможности однолинейных и конвергентных теорий политогенеза, связанных с концепцией государства-нации [3].

Для упорядочения множества современных государств и политий применяются различные критерии, которые часто имеют очень специальный, индикаторный характер [17]. Предлагаемые здесь подходы к типологизации основаны на выделенных ранее наиболее общих, теоретических признаках государства, из которых при необходимости могут быть выведены их более частные, в т.ч. эмпирические, индикаторы. Каждый из этих макропризнаков имеет определенный континуум значений, полюсами которого являются противоположные друг другу идеальные типы государства (табл. 1).

В качестве наиболее однозначного макропризнака современных государств¹⁰, как правило, рассматривается территория. Тем не менее сила их политической связи с конкретным территориальным ареалом, контроля над ним также представляет собой континуум. Если на одном полюсе этого континуума находятся "территориальные" государства (подавляющее большинство признанных государств), для которых их территория является не менее принципиальным объектом суверенитета, чем население, то на другом – "экстерриториальные государства" (правильнее – политии), которые определяют свои властные пределы отсылкой к некоторой социальной общности (этнической, конфессиональной, классовой, культурной) без привязки к постоянному географическому ареалу. В современном мире функционирование экстерриториальных политий сталкивается со многими формальными (международное право) и фактическими (трудность поддержания контура безопасности) препятствиями, поэтому на определенном этапе претендующие на государственность политии такого типа обычно предпринимают попытки территориальной фиксации своих границ [20]. Вместе с тем в условиях развития постиндустриальных технологических сетей (в т.ч. политической) организации, нельзя исключать возможность появления в будущем устойчивых политических образований, сочетающих в себе атрибуты государства с сохраняемой экстерриториальностью.

Гораздо очевиднее континуальность такого признака современных государств, как население. С точки зрения степени однородности параметров проживающих в их границах граждан государства можно разделить на два противоположных типа – "гомогенные" и "гетерогенные". Даже, если принимать во внимание только этнические характеристики¹¹ населения, можно обнаружить, что "гомогенные" государства (близкие к национально-государственному канону) составляют в мире незначительное меньшинство, а большая часть стран сосредоточена в той половине шкалы, которая примыкает к "гетерогенному" полюсу¹². Дополнение же этнических признаков религиозными, языковыми, региональными, культурными и классовыми параметрами населения ведет к тому, что к полюсу высокой гетерогенности смещается подавляющее большинство существующих сегодня государств [12, с. 56–59]. Следует отметить, что с последней трети XX в. все более весомым фактором неуклонного повышения внутренней гетерогенности современных государств (прежде всего, развитых стран) выступает трансграничная миграция.

По признаку меры обладания внешним суверенитетом современные государства располагаются в континууме между "независимым" и "зависимым" типами. Несмотря на отсутствие удовлетворительного количественного показателя внешнего суверенитета, несомненно, что это градуированная величина, для описания градаций которой используют различные термины. Так, в наибольшей мере типу независимого государства соответствуют "великие (и сверх-) державы", способные не только на максимальном уровне отстаивать собственный внешний суверенитет, но и асимметрично ограничивать сувере-

¹⁰ Базой для дальнейших типологизаций являются примерно 250 государств рубежа 2010-х – 2020-х гг., включая как международно признанные, так и непризнанные (в т.ч. зависящие и заморские территории и территории с особым статусом).

¹¹ Этническая принадлежность сама по себе является целым комплексом признаков.

¹² На 2022 г. в мире было 22 государства с уровнем этнической однородности от 95% и более. Подсчитано по: [31].

нитет других стран¹³. На противоположном краю континуума находятся государства, обладающие предельно урезанным суверенитетом ("зависимые", "заморские" и иные находящиеся под разными формами опеки территории). Промежуточное положение – ближе к "независимому" типу – занимают в основном суверенные в своих действиях государства "второго эшелона" и – ближе к "зависимому" типу – более слабые малые страны и новые непризнанные или частично признанные государства, во внешнем суверенитете которых присутствуют значимые изъятия. К ограниченно или номинально суверенным государствам в начале XXI в. принадлежали, по некоторым оценкам, свыше 110 стран мира (или три пятых от всех "признанных" государств) [6; 32].

Варьируемость признака внутреннего суверенитета, т.е. степени отделенности государственной власти от управляемых, позволяет выделить континуум государств от "публичного" до "непубличного" типа. При этом к "публичному" типу тяготеют немногие ("правовые") современные государства, власть в которых практически приближается к веберовской модели "рационально-легального господства", обеспечивающей равноудаленность государственной бюрократии от любых общественных субъектов. Значительно большее число государств воплощает черты "непубличного" типа, для которого характерны "персонализация" (личное правление, "приватизация") или "трайбализация" (присвоение кланом, племенем и т.д.) государственной власти¹⁴. Промежуточное положение на данном континууме принадлежит различным градациям "ограниченно публичных" государств, в той или иной мере подчиняющих правовой и бюрократический формализм интересам и ценностям тех или иных частей общества – этносов, конфессий, классов, меньшинств¹⁵.

Сопоставление четырех представленных подходов к типологизации современных государств достаточно наглядно показывает место, которое в их совокупности занимают аутентичные государства-нации¹⁶. Такой комбинацией типологических признаков, по самым оптимистическим оценкам, обладают от 20 до 25 стран, т.е. не более одной десятой от рассмотренной совокупности государств. При этом с начала XX в. их доля, учитывая резкий рост общего числа государств, не выросла, а сократилась. Развитые государства-нации (преимущественно, европейские) действительно оказали определяющее влияние на международное и конституционное право и стали предметом подражания для многих незападных политий. Однако распространение этой модели в мире в основном представляет (и в ближайшем будущем будет представлять) собой не вытеснение "проигравших" в эволюционной конкуренции иных политических форм, но гибридизацию или имитацию. Первая в особенности характерна для "великих держав", соединяющих в своих институтах и правовых самоописаниях концепцию государства-нации с имперской традицией политогенеза¹⁷. Вторая свойственна для многих постколониальных государств, которые либо прямо симулируют форму "либерально-демократической нации" для получения внешних ресурсов, либо используют ее как средство "поддерживающей терапии" на период трудных поисков собственного пути политического развития [3, с. 91–148].

¹³ По мнению М.В. Ильина, в современном мире насчитывается 10 таких государств [6, с. 105].

¹⁴ Примерами здесь являются страны с неопатримониальными режимами, вплоть до политий, имитирующих государственную организацию [11, с. 193–234; 22].

¹⁵ Подобная модель внутреннего суверенитета характерна для "идеологических" (либеральных, коммунистических, фашистских и иных) государств.

¹⁶ То есть государства, сочетающие признаки территориального, гомогенного, независимого и публичного типов.

¹⁷ Эта традиция сильна в территориальных государствах с гетерогенным населением, высоким уровнем внешнего суверенитета и ограниченной публичностью власти.

Табл. 1. Подходы к типологизации современных государств
 Table 1. Approaches to typologization of states of the modern period

Признаки государства (критерии типологизации)	Типологические континуумы государств	
Территория (мера контроля над постоянным территориальным ареалом)	Территориальные государства Государства с международно признанными и контролируемыми границами Государства де-факто	Экстерриториальные государства Виртуальные государства Территории децентрализованного контроля Несостоявшиеся государства Государства-юрисдикции Правительство в изгнании
Население (мера однородности населения государства)	Гомогенные государства Государства-этнонации Однонациональные государства	Гетерогенные государства Многонациональные государства Многоосставные государства
Внешний суверенитет (мера независимости от внешней власти)	Независимые государства Сверхдержавы Великие державы Мегагосударства Сильные государства	Зависимые государства Микрогосударства Ассоциированные государства Заморские территории Зависимые территории Коллапсировавшие государства Сегменты-государства
Внутренний суверенитет (мера отделенности государственной власти от управляемых)	Публичные государства Правовые государства	Непубличные государства Неопатримониальные государства Традиционные государства

Примечание: жирным шрифтом обозначены идеальные типы государств, образующие полюса типологических континуумов, обычным шрифтом – располагающиеся на разном расстоянии от полюсов эмпирические типы государств. Набор приводимых эмпирических типов иллюстративен и не претендует на полноту и взаимоисключаемость.

Источник: составлено автором с использованием: [2; 6; 14; 20].

Source: compiled by the author using: [2; 6; 14; 20].

Заключение

Мейнстримовская теория государства в политологии рисует крайне упрощенную и в конечном счете искаженную картину мира современных политий, осью и конвергентной перспективой развития которого постулируется государство-нация. Исследования в политической антропологии и исторической социологии дают методологическую основу для более полного и реалистичного освещения этой предметной области. Опираясь на нее, в данной статье был сделан ряд выводов, которые тезисно можно сформулировать следующим образом:

1) Проблематика политогенеза в XXI в. не теряет своей актуальности. Движимая, как и ранее, возрастающей сложностью обществ и высоким уровнем их внутренней и внешней конфликтности политическая эволюция не показывает каких-либо симптомов "конца истории".

2) Современный политогенез имеет разветвленную многолинейную структуру, формируемую контаминацией тенденций вертикальной (смена стадий) и горизонтальной (смена одностадийных форм) эволюции.

3) В XXI в. развитию государств продолжает сопутствовать эволюция негосударственных политий. При этом государства и политии активно взаимодействуют, вступая в отношения соперничества и сотрудничества, в разные формы синтеза.

4) Эволюция государств происходит в многомерном пространстве характеристик и может быть описана в четырех типологических измерениях (исходя из вариативности макропризнаков государства: территории, населения, внешнего и внутреннего суверенитета).

5) В пространстве политогенеза европейская линия государства-нации коэволюционирует с рядом других линий. Наиболее выраженными альтернативами ей сегодня являются "великодержавная" и "постколониальная" линии политогенеза.

6) Типологическим характеристикам государства-нации соответствуют не более 10% государств мира. Распространение этого типа за пределы европейского региона, как правило, приобретает формы гибридизации или имитации.

7) Наибольшим потенциалом дальнейшей эволюционной дифференциации обладают постколониальные государства. Их интенсивная, полная противоречий динамика – это главная лаборатория политогенеза XXI в.

Литература

1. Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. 204 с.
2. Бартенев В.И. От "несостоявшихся государств" к "неустойчивым состояниям": логика понятийной эквилибристики // Пост. 2017. № 2. С. 26–41.
3. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М: Издательский Дом ЯСК, 2022. 400 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
5. Иванов В.В. Теория государства. М.: ВШЭ, 2010. 288 с.
6. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2010. 282 с.
7. Классен Х.Д.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 6–23.
8. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции: (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
9. Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 320–333.
10. Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 7–27.
11. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
12. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект-пресс, 1997. 286 с.
13. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 1. С. 195–205.
14. Окунев И.Ю. Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.

15. Павленко Ю.В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии/Отв. ред. С.В. Смирнов. Киев, 1987. С. 72–85.
16. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
17. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвил А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. М., 2007. 270 с.
18. Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе / под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. 608 с.
19. Попов Ф.А. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 224–243.
20. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
21. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с.
22. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептуология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010. № 4. С. 158–187.
23. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 702 с.
24. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы. М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001. 559 с.
25. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература, 2003. 358 с.
26. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2000. 318 с.
27. Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, TX: University of Texas Press, 1975. 353 p.
28. Almond G.A. & Powell G.B. Comparative politics: a developmental approach. Boston: Little, Brown, 1966. 348 p.
29. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 216 p.
30. Chase-Dunn Ch., Hall T. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press, 1997. 322 p.
31. CIA World Factbook 2022-2023. Skyhorse, 2022. 1184 p.
32. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. Routledge, 2007. 128 p.
33. Ferguson N. Colossus: the price of America's empire. New York, NY: Penguin Press, 2004. 416 p.
34. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. P. 3–18.
35. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
36. Grinin L.E., Korotayev A.V. Emergence of chiefdoms and states: A spectrum of opinions // Social Evolution and History. 2012. Vol. 11, No. 2. P. 191–204.
37. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 448 p.
38. Service E. Primitive Social Organization. New York, NY: Random House, 1962. 211 p.
39. Service E.R. Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution. New York: Norton, Cop, 1975. 361 p.
40. The Early State /Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.
41. The Formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1975. 711 p.
42. Zielonka J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

References

1. Balandier J. Political anthropology. M.: Scientific world, 2001. 204 p. (In Russ.).
2. Bartenev V.I. From "failed states" to "unstable states": the logic of conceptual balancing act // Polis. 2017. No. 2. P. 26–41. (In Russ.).
3. Bondarenko D.M. Postcolonial nations in the historical and cultural context. M: YaSK Publishing House, 2022. 400 p. (In Russ.).
4. Weber M. Politics as a vocation and profession // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 644–706. (In Russ.).
5. Ivanov V.V. State theory. M.: VSHE, 2010. 288 p. (In Russ.).

6. Ilyin M.V. Is a universal typology of states possible? // *Modern State: Political, Legal and Economic Studies* / RAS. INION. Center for social scientific-inform. research. M., 2010. 282 p. (In Russ.).
7. Klassen H.D.M. Problems, paradoxes and prospects of evolutionism // *Alternative ways to civilization*. M.: Logos, 2000. P. 6–23. (In Russ.).
8. Korotaev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Alternatives of social evolution: (introductory remarks) // *Alternative ways to civilization*. M.: Logos, 2000. P. 24–83. (In Russ.).
9. Koryushkin A.I. The history of modern political science as a history of the search for its identity // *Bulletin of St. Petersburg State University. Political science. International relationships*. 2017. Vol. 10. Issue. 4. P. 320–333. (In Russ.).
10. Kradin N.N. The main patterns of the origin of the state // *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2015. No. 239. P. 7–27. (In Russ.).
11. Kradin N.N. *Political Anthropology*. M.: Logos, 2004. 272 p. (In Russ.).
12. Leiphart A. *Democracy in multicomponent societies*. M.: Aspect-press, 1997. 286 p. (In Russ.).
13. *Between empire and nation // Russia in global politics*. 2017. V. 15. No. 1. P. 195–205. (In Russ.).
14. Okunев I.Yu. *Political geography*. M.: Aspect Press, 2019. 512 p. (In Russ.).
15. Pavlenko Yu.V. *Ways of formation of early class social organisms // Study of socio-historical problems in archeology* / Ed. ed. S.V. Smirnov. Kyiv, 1987. P. 72–85. (In Russ.).
16. *Political science: new directions* / ed. R. Gudín and H.-D. Klingemann. M.: Veche, 1999. 814 p. (In Russ.).
17. *Political Atlas of the Present: An Experience of Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States* / Melvill A.Yu., Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu. et al. M., 2007. 270 p. (In Russ.).
18. *Politogenesis and historical dynamics of political institutions: from local potency to the global world-system* / ed. L. E. Grinin. M.: Uchitel, 2019. 608 p. (In Russ.).
19. Popov F.A. The principle of the national state as a threat to the existence of the national state // *Cross-border challenges to the national state*. St. Petersburg: Intersocis, 2015. P. 224–243. (In Russ.).
20. Sebentsov A.B., Kolosov V.A. The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world // *Polis*. 2012. No. 2. P. 31–46. (In Russ.).
21. *Comparative Politics Today: World Review* / G. Almond, J. Powell, K. Strom, R. Dalton. M.: Aspect Press, 2002. 535 p. (In Russ.).
22. Fisun A.A. Toward a rethinking of post-Soviet politics: a neo-patrimonial interpretation // *Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Research*. 2010. No. 4. P. 158–187. (In Russ.).
23. Fukuyama F. *Fading of the state order*. M.: AST, 2017. 702 p. (In Russ.).
24. Chilcot R.X. *Theories of Comparative Political Science: In Search of a Paradigm*. M.: INFRA-M: Ves Mir, 2001. 559 p. (In Russ.).
25. Evans-Pritchard E. *History of anthropological thought*. M.: Eastern Literature, 2003. 358 p. (In Russ.).
26. Endrein Ch.F. *Comparative analysis of political systems*. M.: INFRA-M: Ves mir, 2000. 318 p. (In Russ.).
27. Adams R. *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin, TX: University of Texas Press, 1975. 353 p.
28. Almond G.A. & Powell G.B. *Comparative politics: a developmental approach*. Boston: Little, Brown, 1966. 348 p.
29. Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006. 216 p.
30. Chase-Dunn Ch., Hall T. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press, 1997. 322 p.
31. *CIA World Factbook 2022-2023*. Skyhorse, 2022. 1184 p.
32. Colomer J.M. *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge, 2007. 128 p.
33. Ferguson N. *Colossus: the price of America's empire*. New York, NY: Penguin Press, 2004. 416 p.
34. Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. 1989. No. 16. P. 3–18.
35. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
36. Grinin L.E., Korotayev A.V. *Emergence of chiefdoms and states: A spectrum of opinions // Social Evolution and History*. 2012. Vol. 11, No. 2. P. 191–204.
37. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 448 p.
38. Service E. *Primitive Social Organization*. New York, NY: Random House, 1962. 211 p.
39. Service E.R. *Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution*. New York: Norton, Cop, 1975. 361 p.
40. *The Early State* /Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.
41. *The Formation of national states in Western Europe* / Ed. by Ch. Tilly. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1975. 711 p.
42. Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2023

Received 23.04.2023

Одобрена после рецензирования 11.05.2023

Approved 11.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023